

Перед глазами императорского сына промелькнули яркие сцены из исторических книг, где всевозможные женщины—погубительницы занимались во дворце царских жён развратными вещами. Отчего юноша ещё больше смутился, заметив, что ничем не лучше тех печально известных женщин.

— Не нужно... — Юн Ци поднял тонкую руку, мягко останавливая младшего брата.

В одно мгновение Юн Ци понял, что его пальцы прижались к тыльной стороне ладони наследного принца. Юноша всего лишь хотел остановить Юн Шаня, но выглядело это так, будто он пытается бессовестно соблазнить его. Холодные пальцы коснулись горячей кожи Юн Шаня, словно холодная зима неожиданно встретилась с тёплым летом, сливаясь воедино.

Когда они соприкоснулись, Юн Ци отдернул руку, будто тепло младшего брата обожгло его.

Увидев это, Юн Шань тихо рассмеялся ему на ушко:

— Почему сейчас старший брат такой тактичный? Я не удержусь и позволю тебе каждый день навещать наложницу Ли, если по возвращении ты будешь таким покорным.

Как только шнурок был развязан, тёплая накидка тихо скользнула с плеч и упала на землю.

Юн Шань на этом не остановился, начав неторопливо развязывать верхнее платье Юн Ци. Затем медленно и неспешно юноша ослабил искусно вышитый длинный пояс, что был повязан на талии старшего брата.

Юн Ци понимал, что будет после того, как Юн Шань снимет с него всю одежду. Перед глазами вновь мелькнули ужасно развратные сцены. Но в тоже время Юн Ци не сопротивлялся как раньше, у него совершенно не было желания этого делать.

Поняв, что становится очень порочным, юноша вздрогнул всем телом и душой. Затаив дыхание, он не удержался и вновь схватился за руку, что была на талии, тихонько говоря:

— Юн Шань, это... Это неправильно...

— Да, неправильно. — Юн Шань прикусил мочку уха Юн Ци и пробормотал: — Я неправильный, и всё это по моей вине. Я вынуждаю старшего брата заниматься со мной порочными вещами. Если кто-нибудь станет тебя порицать, скажи им, что это наследный принц вынудил тебя спать с ним в одной постели. Ах, это чистейшая правда.

В душе Юн Ци стало очень тяжело, и он покачал головой:

— Нет... Это не так... Послушай меня, Юн Шань... Нам больше не следует заниматься такими

вещами...

— И слушать не желаю, я лишь просто хочу сделать это.

Слова Юн Шаня были похожи на шутку, однако его действия говорили о том, что юноша настроен решительно и бесповоротно.

Ласково, но в тоже время непреклонно он стряхнул дрожащую руку Юн Ци, которая должна была остановить его, после чего с лёгкостью развязал пояс. Подняв на руки старшего брата, который уже не в силах был стоять, Юн Шань донёс его до кровати и положил на неё, затем снял с себя одежду.

Сильное, крепкое, стройное и упругое юное тело предстало перед глазами, оказывая огромное влияние на уже встревоженный и помутившийся разум Юн Ци.

— Старший брат смущён? — Подшучивал Юн Шань. Убрал от лица руки Юн Ци, которыми тот закрывался, юноша со смехом произнёс: — Почему старший брат закрывает глаза? В такой редкий момент старший брат должен хорошенько рассмотреть, насколько велика та штука, которая скоро доставит ему удовольствие. Не хочешь ли его потрогать?

Такие неприкрытые слова заставили Юн Ци затаить частое и тяжёлое дыхание.

Однако младший брат стал ещё ближе. Укусив как следует мочку ушка, юноша прошептал:

— Это корень будущего императора. Неизвестно, сколько наложниц изо дня в день с нетерпением жаждут увидеть его хотя бы одним глазком, но никому из них не выпадала такая удача, кроме старшего брата. Если ты хочешь потрогать, можешь, не раздумывая, прикоснуться к нему.

— Я не хочу трогать... А! Юн Шань!

— Старший брат не хочет трогать меня, однако я хочу прикоснуться к старшему брату.

— Ум... Нет-нет! Не надо...

— Можешь кричать чуть громче. Мне нравится слушать громкие стоны старшего брата, которые звучат распущеннее стонов любой женщины.

Юн Ци едва не заплакал.

Насильно раскинутые ноги, непристойно и распутно извивающееся на кровати тело,

срывающиеся с губ всхлипы — всё это создавало впечатление, будто Юн Ци и впрямь намеренно соблазнял Юн Шаня.

Юноша не понимал, как он мог издавать такие бесстыдные звуки, вздохи, испытывая первобытное и безудержное наслаждение, охватившее его член и бёдра.

Юн Шань, едва касаясь, скользнул пальцами по паху, однако ощущения были настолько сильными, что огромная волна истомы раскатилась по талии.

— Так быстро затвердел? — прозвучал слегка изумлённый и низкий голос Юн Шаня, делая и без того неловкое удовольствие ещё более постыдным.

— Нет-нет... Ум... А-ах...

— Если не хочешь, то не нужно так отчаянно приподнимать талию и двигать бёдрами.

— У-ум... Юн... Юн Шань... Умоляю тебя...

На удивление Юн Шань больше не говорил насмешливых слов, так как сосредоточенно ласкал старшего брата промеж ног.

На головке члена медленно просачивалась прозрачная жидкость, которая стекала на ласкающие горячие пальцы, создавая при каждом скольжении непристойные влажные звуки.

Это оказывало больше эффекта, чем все насмешки Юн Шаня.

Юн Ци ещё больше смутился и, крепко стиснув зубы, больше не издавал ни звука.

— Что? Больше не хочешь возражать? — тихим голосом спросил Юн Шань и с улыбкой посмотрел на юношу: — Или в самом деле, уже распробовав, захотел ещё?

Юн Ци не выдержал взгляда младшего брата, который, казалось, медленно пожирал его, и отвернулся, залившись румянцем.

Юноша вновь рассмеялся:

— Но я всё равно заставлю тебя познать вкус, чтобы потом ты требовал ещё.

Юн Шань внезапно остановился, позволяя Юн Ци резко податься бёдрами вперёд. Не получая больше той заботы, которой совсем недавно одаривали его, тело юноши внезапно словно в знак протеста охватило желание, и Юн Ци почти подсознательно выгнулся, двинув в воздухе

бёдрами, будто стремился к чему-то.

Юноша повернул голову, и в глазах отразилась коварная улыбка Юн Шаня. В один миг Юн Ци понял, что вновь сделал что-то постыдное, позволяя младшему брату во всей красе узреть его развратное тело.

— Как я уже говорил, старшему брату действительно нравится. — Юн Шань спешно заключил в крепкие объятия всхлипывающее и сворачивающееся в калачик тело Юн Ци, словно утешая: — Конфуций [1] говорил: «Потребность в еде и плотских утехах естественна». Совершенномудрый и то такой же, что тогда говорить о тебе и обо мне? Зачем смущаться?

Сзади раздалась лёгкая боль, и длинный палец Юн Шаня уже проник в тело юноши, заполняя его.

Юн Ци вновь отчаянно замотал головой:

— Не надо, Юн Шань, не надо так...

— Не надо как? — спокойно спросил Юн Шань и с силой ввёл палец ещё глубже.

Юноша позволил мягким стенками кишечника обволочь палец. Потребовалось совсем немного времени, чтобы найти маленький бугорок, который был самым чувствительным местечком старшего брата.

Юн Шань вновь искривил губы и, со снисходительной улыбкой посмотрев на Юн Ци, ласково спросил:

— Старший брат, ты хотел, чтобы я не делал так? — Юн Шань надавил на точку кончиком пальца с точностью и безжалостно.

Юн Ци почти сразу дёрнулся всем телом.

— А! Н... А-а...

Рванный стон, что до этого юноша сдерживал в себе, вырвался наружу.

— Всё ещё хочешь сказать «нет»?

— У-ум... Нет... Нет-нет...

— Ещё скажешь?

— А-а! Не хочу-у... М-гмн...

— Вновь сказал.

Одно внезапное движение, и палец будто с силой пронзил плоть, надавив на уже почти сломленные нервные окончания.

Хоть это чувствительное место у Юн Ци было маленьким, однако оно овладело всеми потаёнными чувствами, растопило их, заставив тело странно двигаться и дрожать от возбуждения.

Затвердевший член время от времени побаливал, причём настолько сильно, что не шёл ни в какое сравнение с песком, попавшем на рану. Юн Ци не смог больше этого терпеть и вытянул руку, желая унять возбуждённую плоть. Однако Юн Шань не дал ему этого сделать. Дерзко схватив запястье, он завёл его над головой Юн Ци.

— Так действовать неправильно. Старший брат — человек очень строгих правил, так почему он перед лицом младшего брата дал волю рукам, решив приласкать себя?

— Юн... Юн Шань... Хватит...

— Поскольку я — Наследник престола и будущий император, — Юн Шань натянуто улыбнулся и, приблизившись к беззвучно плачущему Юн Ци, обдал его горячим дыханием: — Все вещи в мире принадлежат императору, даже достоинство старшего брата и то принадлежит мне. Сейчас я скажу то, что старший брат должен запомнить. Без моего согласия никому не разрешается прикасаться к прекрасному члену старшего брата. Даже старшему брату запрещается трогать себя, когда ему вздумается. Понял?

Юн Ци, будучи ловко схваченным, лежал на кровати и извивался в обворожительном и слишком привлекательном танце, непрерывно размахивая мягкими тёмными волосами.

— Понял или нет? — Вновь нахмурившись, спросил Юн Шань.

Он посмотрел на красивый и почти обезумевший от страсти облик Юн Ци и похоже понял, что не получит ответа, так как никакими словами его не привести в чувства. Юн Шань слегка улыбнулся и решил больше не ограничиваться лишь нажатием. Юноша неожиданно, без предупреждения пустил в ход ноготь, безжалостно скользнув им по очень чувствительной точке.

— У!

Тело Юн Ци дёрнулось ещё сильнее, чем в прошлый раз, всё больше напоминая рыбу на сковороде.

Яркие глаза широко распахнулись, позволяя слезам соскользнуть и упасть на постель.

Однако сильно возбуждённый член заставил юношу почувствовать себя более униженным.

— Ты всё ещё не понял, что я тебе сказал?

— Я... Думаю...

— Дай хороший ответ.

Говоря это, Юн Шань вновь несколько раз скользнул пальцем, поглаживая нежное местечко.

Юн Ци, подвергшись нападкам, громко расплакался. Почувствовав, как дрожит от навязанного удовольствия его член, юноша проговорил, глотая слёзы:

— Понял... Понял...

— Что понял?

— Не... Не следует трогать...

Юн Шань всё ещё думал помучить Юн Ци, но, когда увидел на нежной и тонкой коже слёзы, его сердце смягчилось. Всё, что ему оставалось — слегка вытащить палец и мягко ласкать сжавшееся отверстие, позволяя ему расслабиться.

— Старший брат, будь послушным, посмотри мне в глаза, — прозвучал очень нежно голос Юн Шаня.

Юн Ци очень боязливо поднял иссиня-чёрные глаза, в которых стояли слёзы, и посмотрел на юношу.

Встретившись с ним взглядом, Юн Шань спросил:

— Старший брат ненавидит меня?

Без раздумий Юн Ци сразу же качнул головой.

На губах Юн Шаня появилась лёгкая улыбка.

Слегка прищурившись, юноша снисходительно посмотрел на старшего брата, будто приглядываясь. Юн Ци почувствовал, словно Юн Шань хочет проникнуть в него взглядом, пронзить его насквозь, и ничто не могло скрыться от этих глаз.

Неудивительно, что отец-император сверг никчёмного его, сразу же сделав выбор в пользу младшего брата.

В этот момент в голову Юн Ци, словно незваным гостем, ворвался наказ матушки Ли, отчего юноша почувствовал, что его мысли крайне гадкие и грязные. Он дал обещание матушке, что украдёт вещь, очевидно полагаясь на необычайно тёплые чувства и отношение Юн Шаня, что тот испытывал к нему.

Ради того, чтобы спасти себя...

Юн Шань в данную минуту как раз совершал величайший грех, но он не шёл ни в какое сравнение с тем, что таилось в глубине души у Юн Ци, и оно было в сто раз грязнее, чем эти плотские утехи!

Юн Ци отвернулся, стараясь скрыть лицо в мягкой подушке, что лежала рядом.

Открытый смех Юн Шаня долетел до его ушей:

— Я же говорил, что не следует стесняться, так почему же старший брат вновь прячет своё лицо?

Юноша вышел из Юн Ци, ненадолго оставив в покое крохотную нежную дырочку, и, наклонившись ниже, прошептал тому на ушко:

— Во всём императорском дворце нет таких ясных и светлых глаз, как у старшего брата.

Юн Ци услышал поистине самую острую насмешку в мире.

Как досадно было, что он не мог найти трещину в земле и провалиться сквозь неё. Однако Юн Шань не позволил ему увернуться, словно играючи поцеловал юношу в щёку, затем, слегка покусывая губы, понемногу стал проникать языком внутрь, будто пробовал на вкус Юн Ци.

— М... М...

Всё сопротивление, какое до этого оказывал Юн Ци, исчезло, не оставив и следа.

Юн Ци как мотылёк полетел на огонь. Юноша ждал, что младший брат таким же образом

овладеет им, страстно, как в прошлый раз, позволив ему быть пьяным от любви, безрассудным, развратным настолько, что все глупые мысли в голове сгорят дотла.

Пусть он заставит позабыть обо всём, прогнав ненужные размышления.

Юн Ци был зажат между покрывалом и Юн Шанем. Неизвестно, то ли любовная страсть начала сжигать его разум, или же он сам решил пойти напролом, Юн Ци робко разомкнул губы, позволяя Юн Шаню, словно генералу, который захватывает города и земли, ворваться внутрь и овладеть юношей, так похожим на нераспустившуюся сирень.

Их языки сплелись, и влажные звуки поцелуя стали тревожить слух.

— Старший брат, ты ничуть не упрямишься.

Ягодицы, что вплотную прижимались к плотной простыне, слегка приподнялись.

Тело, словно понимая, что через минуту что-то испытает, невольно напряглось, маленькое измученное колечко мышц, в которое совсем недавно вторгался палец, от волнения ещё сильнее сжалось.

На очаровательном и ясном лице Юн Ци отразилась паника.

Хотелось скрыться, однако тело, в отличие от разума, понимало, где безопаснее. В чужой стране беглец не выбирает дороги. Охваченный паникой юноша искал помощи у Юн Шаня. Не отдавая себе отчёта, Юн Ци вытянул руки и крепко обхватил брата за шею, тотчас же повиснув на нём.

Юн Шань очень обрадовался и, поцеловав в губы, одобрительно проговорил:

— Действительно очень послушный. Так и держись, только не отпускай.

Наследный принц спокойно направил свой возбуждённый член вперёд, заставляя Юн Ци вскрикнуть.

В тело вторглись.

Горячая и твёрдая плоть в теле Юн Ци вызвала странные ощущения, исступленно возбуждая всё внизу.

— У-а! Ах-хах... Нет... Не надо...

— Снова говоришь не надо?

Юн Шань тихо засмеялся. Словно специально мучая, взял старшего брата за талию и двинулся глубже.

Огромный натиск заставил Юн Ци тотчас же всхлипнуть:

— Юн Шань... Не нужно... А-а... Нет, не...

Младший брат бесцеремонно вторгался, овладевая юношей снова и снова.

Немного вытаскивая член, Юн Шань вновь упрямо подавался бёдрами вперёд, глубоко проникая в Юн Ци.

Каждое движение возбуждённой плоти достигало сердца, принося жар и боль, отравляя и парализуя тело.

— А... Ум-гм... Ум-м...

— Старший брат, будь умницей, приподними немного талию.

— У-у...

— И в самом деле непослушный.

Юн Шань вздохнул с чрезмерной любовью, придерживая тонкую талию брата, и в такт с собственными движениями приподнял её.

— Нет, я... А! — звонко закричал Юн Ци. — Юн Шань! Юн Шань, не надо... У-у...

Находясь в таком положении, Юн Ци почувствовал, как член младшего брата внезапно скользнул глубже.

Такие движения просто-напросто могли убить юношу.

Волна сдерживаемого наслаждения с головой захлестнула Юн Ци, и тот, словно обезумев, стал извиваться всем телом, отдаваясь без остатка, не в силах убежать от той боли и удовольствия, что дарил ему младший брат.

— Член старшего брата такой возбуждённый, скоро собирается излиться?

Юн Ци с затуманенным сознанием всхлипывал, а его белоснежные, похожие на нефрит ноги, что сейчас лежали на руках Юн Шаня, хаотично качались в воздухе.

Создавалось ощущение, что внутри всё почти было стёрто в порошок. Юн Шань проникал в Юн Ци, уделяя внимание каждой его клеточке, в особенности очень чувствительной точке. Каждый раз юноша подавался назад, почти выходя, и в следующий же миг безжалостно проникал в тело Юн Ци.

Большой член Юн Шаня снова и снова врывается в тело брата, задевал заветную точку, заставляя Юн Ци без остановки постыдно плакать и стонать.

— Нет-нет... А! Юн... У-у... Не надо... Не надо так, а-а... М-гм не надо так...

Юноша, заливаясь слезами, умолял, однако сам отчаянно подавался бёдрами вперёд навстречу Юн Шаню. И он прекрасно это понимал.

Скользкий в теле разгорячённый член Юн Шаня дарил пронизывающую боль и наслаждение, заставляя возбуждённую плоть Юн Ци без усталости трепетать. Юноша просто был в отчаянии из-за постоянного и страстного натиска, он не мог ослабить хватку и отпустить шею брата, словно она была единственной соломинкой в бушующих волнах.

Однако то, что Юн Ци, забыв про скромность, бросился в его объятия, очевидно позволило Юн Шаню полностью овладеть старшим братом, безжалостно вторгаясь и ещё глубже проникая в него.

Юн Шань больше не придерживал брата за талию, поскольку юноша сам теперь тянулся навстречу его ласкам. Сейчас Юн Ци вёл себя так, как императорские наложницы, которые, отбросив стыд, впадали в безумство, жадно отдаваясь любви императора.

— Старший брат, тебе действительно очень нравится. Снова такой страстный и распутный, и я чувствую, как маленькая дырочка поглощает меня. — Частое и тяжёлое дыхание Юн Шаня обожгло развратное лицо впавшего в забытие Юн Ци.

Горячее и нежное отверстие крепко обхватывало его член, умоляя о наслаждении, и это растрогало Его Высочество наследного принца до глубины души. И он, руководствуясь собственными желаниями, овладевал телом старшего брата.

Это было в его природе — захватить и не оставлять никаких лазеек. Вероятно, именно на эту черту характера обратил внимание Огненный император Янь-ди, не принимая в расчёт другие его положительные качества.

Чтобы стать императором, не нужно быть безупречным, наиболее важно знать, как, получив цунь, продвинуться на чи [2].

Юноша понимал, что должен быть заботливым и ласковым, но это всё не имело значения. На самом же деле он лишь хотел безжалостно овладеть Юн Ци.

Тот, за кем Юн Шань тайно наблюдал больше десяти лет, тот, к кому он не мог прикоснуться, сейчас принимал его жаркие ласки, которые с каждой минутой становились острее. Старший брат извивался и отдавался всем телом, развратно и беспомощно всхлипывая под наследным принцем.

Однако, как ни удивительно, Юн Ци ни на секунду не выпускал брата из объятий.

Жажда обладания пылала в душе, сжигая всё. Даже если бы нынешний наследник престола превратился в пепел, он всё равно смог бы заметить собственное коварство и страстное желание, от которых нельзя было скрыться.

— Не... Не могу больше...

— Старший брат, будь послушным, давай ещё раз.

— Правда... Юн Шань... У-у, не могу больше... У-у! Пощади меня...

— У нас ещё вся ночь впереди.

Держа в руках старшего брата, словно пойманную птицу, Юн Шань страстно желал его снова и снова.

Безудержно сгорая до глотка и вторгаясь в уже покрасневшую дырочку, он излил наружу неистовое безумие и отчаяние, которые были только их секретом.

Он лишь в одном был вполне уверен.

Глубоко и без сомнений.

Он мог лишиться всего в этом мире, в том числе и себя.

Но единственного, кого он не мог потерять, — это Юн Ци.

Уже тяжело больной отец-император рано или поздно узнает об этом. И тогда, разочарованный, Огненный император Янь-ди, их отец, едва ли кого-то пощадит.

Примечания:

[1] Конфуций (551/552-479 до н.э.) - это латинизированная форма имени Кун-фу-цзы (孔丘), или Кун-цзы (孔). В Китае его часто называют просто Учитель (цзы, 子).

[2] Русский аналог: дай ему палец - всю руку отхватит.

<http://bllate.org/book/13372/1189583>